

Безус Светлана Николаевна

**ОТ ЛАТЫНИ К РОМАНСЕ: АЛЬФОНСИЙСКАЯ НОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ**

В статье анализируются некоторые тенденции, происходящие в языке средневековой Испании, в частности - переход от латинского языка к кастильскому романсе в королевской канцелярии. Языковые явления рассматриваются на примере деловых писем в историческом контексте правления двух королей средневековой Испании: Фернандо III и Альфонсо X. В статье также затрагиваются некоторые вопросы языковой нормы и стандартизации, объясняется понятие "альфонсийская норма".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 81-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Для обозначения берега водного пространства в карачаево-балкарском языке используются такие слова, как *жагъа* «воротник» и *боюн* «шея»: «**Чабакъчы Бёдене къармакъ бла чабакъ тутуп тургъанды Терк сууну бойнунда**» [Там же, с. 230] / «Рыбак Бёдене удочкой ловил рыбу у берега реки Терек». «**Бу хапарны эшитип, экинчи кюн тюш заманда къылдан эшилген, кючлю аркъанны да биргесине алып, Алауган кёлно жагъасында букъгъанды**» [Там же, с. 149] / «Алауган, услышав об этом, на другой день в полдень взял крепкий аркан, сплетенный из конских волос, и спрятался на берегу озера».

Таким образом, как показывает проанализированный выше фактологический материал, вербализации концептосферы гидролексемы «суу» в карачаево-балкарском нартском эпосе способствуют такие лексические единицы, как *тенгиз* «море», *кёл* «озеро» и др., а также слова, ориентированные на репрезентацию природных явлений: *къар* «снег», *жауун* «дождь» и т.п. Данные лексические единицы в эпическом контексте отражают наивную картину мира карачаевцев и балкарцев, согласно которой вода, имея целый спектр форм существования, характеризуется различными физическими состояниями, являясь при этом символом очищения, средством исцеления, ареальной границей, источником жизни и смерти.

Список литературы

1. **Ахматова М. А.** Языковые репрезентанты концепта «Огонь» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 76-79.
2. **Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б.** Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 79-86.
3. **Ахматова М. А. Кетенчиев М. Б.** Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 38-41.
4. **Древнетюркский словарь** / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. **Нарты.** Героический эпос карачаевцев и балкарцев. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 656 с.
6. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка:** в 3-х т. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. Т. III. С-Я. 1157 с.

THE CONCEPTUAL SPHERE OF THE HYDRO-LEXEME “CYU” IN THE KARACHAY-BALKAR NART EPOS

Akhmatova Mariyam Akhmatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
mari.ahmatova@yandex.ru

The article considers the conceptual sphere of the hydro-lexeme “суу” by the material of the Karachay-Balkar Nart epos. The concept *суу* “water” is one of the most important concepts in the Karachay-Balkar linguistic culture. The analysis shows that the representation of this concept involves such lexical units as *тенгиз* “sea”, *кёл* “lake”, *шаудан* “spring”, which in the epic text verbalize the ethnocultural features of the concept under consideration, representing the Karachay-Balkar naive worldview.

Key words and phrases: the Karachay-Balkar language; Nart epos; concept; conceptual sphere; representation; space.

УДК 811.134.2'36

В статье анализируются некоторые тенденции, происходящие в языке средневековой Испании, в частности – переход от латинского языка к кастильскому романсе в королевской канцелярии. Языковые явления рассматриваются на примере деловых писем в историческом контексте правления двух королей средневековой Испании: Фернандо III и Альфонсо X. В статье также затрагиваются некоторые вопросы языковой нормы и стандартизации, объясняется понятие «альфонсийская норма».

Ключевые слова и фразы: Средневековая Испания; латинский язык; романсе; кастильский язык; национальный язык; деловое письмо; языковая норма.

Безус Светлана Николаевна, к. пед. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (филиал) в г. Пятигорске
luzazul@list.ru

ОТ ЛАТЫНИ К РОМАНСЕ: АЛЬФОНСИЙСКАЯ НОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

На территории христианской части Иберийского полуострова в XIII веке сосуществовали три главных диалекта (романсе): кастильский, арагонский и леонский. Объединение в 1230 г. двух образований Леона и Кастилии значительно увеличило активность королевской канцелярии и заставило короля Фернандо III Святого (1230-1252) столкнуться с проблемой территориальной реорганизации и установления общих норм и законов с целью эффективного управления новыми территориями. В качестве связующего языка документооборота был выбран кастильский вариант романсе. Таким образом, Фернандо III стал *«impulsor del uso*

y desarrollo de la lengua castellana» [12, p. 4] («инициатором использования и развития кастильского языка»), хотя в научной литературе упоминаются документы, написанные на кастильском, и более раннего периода.

Так, например, П. Санчес-Прието Борха первым официальным памятником на романсе (т.е. не на латыни) в королевской канцелярии Кастилии называет *Paces de Cabrerros* (по другим источникам *Tratado de Cabrerros* – «Договор / Соглашение о козопасах») 1206 г. Это сохранившееся в оригинале соглашение составлено королём Леона Альфонсом IX (1188-1230) и королём Кастилии Альфонсом VIII (1158-1214). Документ представляет собой так называемую круговую привилегию, согласно которой признаются права наследования в Леоне Фернандо (будущего Фернандо III) [13, p. 178].

И. Фернандес-Ордоньес относит первые деловые памятники Кастилии и Наварры, написанные на местном языке, к концу XII в. При этом отмечается следующая особенность: предпочтение романсе отдаётся в тех случаях, когда тексты предназначены для устного зачитывания (юридические расследования, свидетельства, клятвы, проповеди, привилегии). Кроме того, романсе чаще встречается в коротких документах для внутреннего пользования (списки, расходы, доходы, долги и пр.) [9, p. 325, 329]. В королевскую документацию, по словам автора, кастильский романсе проникает уже во время правления короля Кастилии Альфонсо VIII. Однако называются только 7 документов, которые можно рассматривать как «*scripta romance*» («написанное на романсе»), что составляет лишь 0,7% от всего королевского документооборота в период 1158-1214 гг. Среди указанных документов самый ранний датируется 1194 г. Это письмо, оглашающее результаты расследования по поводу территорий Ледигос и Сальданы, является единственным памятником на романсе, который относится к XII в. Все остальные составлены в XIII в. (в 1210 г. и далее).

Однако именно в период правления Фернандо III происходит уверенное увеличение количества кастильских документов и постепенный отказ от латыни в делопроизводстве. Так, начиная с 1233 г., объём документации на кастильском вырастает до 30%; в 1241 г. – до 50%; в 1246 г. – 11 из 13 документов написаны на кастильском романсе; в 1250 г. – 24 из 26 [12, p. 2]. И. Фернандес-Ордоньес приводит следующие цифры, иллюстрирующие соотношение доли документов, написанных на латинском языке, по сравнению с документами на кастильском романсе. Ср. соответственно: в 1217-1230 гг. – 91,6% vs 8,4%; в 1231-1240 гг. – 78,7% vs 21,2 %; в 1241-1245 гг. – 54,8% vs 45,1%; в 1246-1252 гг. – 18,5% vs 81,4 % [9, p. 333].

В 1252 г. на престол королевства Кастилии и Леона вступил Альфонс X (1252-1284), который продолжил политику интеграции и реконквисты, начатую его отцом, королём Фернандо III. Однако военным действиям, которые часто заканчивались поражениями, Альфонс X предпочитал занятия науками. Именно за это его прозвали Мудрым.

В «языковой политике» Альфонса X Мудрого также наблюдается преемственность: происходит дальнейшая кастильнизация государства, объединённого короной Кастилии. Кастильский вариант романсе функционирует уже не только в королевской канцелярии, но и распространяется на другие сферы. До наших дней дошло внушительное количество работ (в том числе поэтические сочинения, переводы), написанных королём Альфонсом X (и его скрипторием) на кастильском романсе. Вот наиболее известные: юридический трактат – *Las Siete Partidas* («Закон семи частей»); исторические трактаты – *Crónica General de España* («Общая хроника Испании») и *la Grande e General Estoria* («Великая и общая история»); научные трактаты – *Tratados de Astronomía* («Трактаты об астрономии»), *Las Tablas Alfonsíes* («Альфонсийские таблицы»).

Традиционно с именем Альфонса X связывают понятия «альфонсийская норма» – «*norma alfonsí*» и «правильный кастильский» – «*castellano drecho*». Речь идёт о том, что для короля существовал некий языковой стандарт, которому следовал он сам и предписывал следовать своим подданным. Несмотря на то, что термин «*castellano drecho*» (с выпавшей буквой *-e-*) был употреблён лишь единожды в прологе к «Книге о восьмой сфере» («*El Libro de la ochava esfera*», 1276), он вызвал невероятное количество споров, мнений и рассуждений. Одни видели в нём признаки арагонского диалекта, другие – синкопу, третьи – простую описку. Что бы это ни было, выражение «*castellano drecho*» часто используется для характеристики кастильского варианта романсе времён правления Альфонсо X в значении «*ideal lingüístico*» – «языковой идеал» [12, p. 4].

Многие исследователи считают, что при Альфонсо X был сделан первый шаг к стандартизации кастильского варианта романсе – «*una variedad estandar*» – «стандартный вариант [языка]» [Ibidem, p. 2], что привело к его стремительному распространению и всеобщему социальному признанию.

Однако отношение к «языковой политике» Альфонса X Мудрого в учёной среде неоднозначно. Не все склонны признавать, что действительно стандартизация национального языка имела место в период его правления.

Так, например, Р. Кано Агилар призывает не смешивать два понятия «язык индивида» и «национальный язык», говоря о «строительстве кастильского языка», осуществлённого Альфонсом X. Да, признаёт исследователь, был выработан особый стиль в языке, но это стиль, присущий конкретному автору, Альфонсу X (или группе авторов, объединённых под этим именем). Другое дело, что и король, и его последователи являются ответственными за ту форму, которую приобрёл в их произведениях литературно обработанный кастильский язык. В любом случае, по словам Кано Агилара, Альфонс X находился только в самом начале пути, который должен был преодолеть письменный кастильский язык [7, p. 463].

П. Санчес-Прието Борха вообще считает, что современный термин «языковая политика» совсем не подходит к контексту XIII века, и, по крайней мере, в графической системе кастильского альфонсийского периода говорить о нормализации не приходится: «*El concepto de “ortografía” no puede entenderse todavía en el sentido de una norma o conjunto de reglas de aplicación regional*» [14, p. 444]. / «Понятие “орфография” ещё не может пониматься как норма или свод правил местного применения».

Хайме Оливер так охарактеризовал языковую ситуацию в Испании указанного периода: «*la España del XIII no poseía un lenguaje escrito, práctico y eficiente, porque no existía unidad de lengua escrita y hablada: se escribía latín, se hablaba castellano*» [6, p. 229]. / «В Испании XIII века не было сколько-нибудь практичного и эффективного письменного языка, потому что не существовало единства письменного и разговорного языка: писали на латинском, а говорили на кастильском».

Подобные мнения, конечно, не лишены основания и вполне убедительно доказываются, тем не менее, они нисколько не умаляют заслуг Альфонсо X как главы государства, короля, который, по словам Р. Менендеса Пидалья, «*se preocupa de llevar a completo desarrollo una lengua romance nueva*» [Цит. по: 5, p. 10] («беспокоится о полном/всестороннем развитии нового романизованного языка»). «В многочисленных альфонсийских произведениях, – говорит Пидаль, – скрыто несоизмеримое языковое богатство... То, что опубликовано, – это только часть того, что [им] написано; то, что изучено, – мизерно, и пока не будет систематизировано всё это богатство, будет похоронена первоначальная и самая подлинная часть языкового прошлого испанского языка» [Цит. по: Ibidem, p. 9].

Нельзя также отрицать того факта, что в период правления Альфонсо X большого размаха достигла королевская канцелярия. При этом «*don Alfonso adoptó el castellano para idioma oficial de la cancellería, dejando el latín en la correspondencia extranjera*» [Ibidem, p. 12] («дон Альфонс принял кастильский в качестве официального языка делопроизводства, оставив латынь для международной переписки»).

Регламент работы королевской канцелярии, равно как и характеристики служащих, а также форма и содержание исходящих документов были детально прописаны в законодательных документах Альфонса X Мудрого, а именно в «Законе семи частей» (*Las Siete Partidas*), первом европейском своде правил, написанном не на латыни, а на национальном языке, который в самом тексте «Закона» именуется просто ‘романсе’: «*Ius naturale quiere decir en romance como derecho natural tienen en sí los hombres y aun los otros animales con sentidos*» [11, p. 3]. / «*Ius naturale*, что на романсе значит ‘естественное право’, имеют внутри себя все люди и даже некоторые животные, обладающие чувствами».

Согласно «Закону», латинский язык не отменяется, однако ему оставлены две сферы функционирования: церковная (Закон 2, Первая часть) и международная деятельность (Закон 25, Третья часть) (см. Приложение).

В «Законе» прямо не говорится об обязательном использовании романсе (и вообще о его использовании) при составлении документов, однако чётко прописываются случаи, когда необходимо прибегать к латыни (Закон 25, Третья часть). Это даёт основание предполагать, что, если ситуация отличалась от указанной, то следовало писать на романсе (т.е. на кастильском) (см. Приложение).

Также разграничивает сферы влияния латинского и кастильского, как бы мы сейчас сказали «по умолчанию», и Закон 78, Третьей части. В нём даются рекомендации по составлению делового письма на примере соглашения, заверяющего создание партнёрства. Характерно то, что приведённый шаблон (унифицированная форма, предписывающая структурную норму) делового письма написан на кастильском романсе, хотя специально это не оговаривается (см. Приложение).

Чтобы внести свой вклад в решение вопроса о том, имела ли место или нет нормализация (стандартизация) национального языка, существовавшего на территории королевства Кастилии и Леона в период правления короля Альфонсо X, мы провели сравнительный анализ двух деловых писем примерно одинакового объёма, написанных приблизительно в одном временном отрезке, но в разных территориальных образованиях. Одно письмо (Корпус документов. 1208) [8] составлено королевским нотариусом от имени короля Альфонса X в г. Севилье (к югу от государственного центра г. Толедо) в 1253 г., второе (Корпус документов. 0515) [Ibidem] – частно-деловое (Ч-д – в Таблице 2) – составлено общественным нотариусом в г. Саламанке (к северо-западу от г. Толедо) в 1259 г.

С точки зрения структурно-композиционного состава указанных писем, налицо определённая унификация правил составления документов подобного рода: оба письма обладают практическими одинаковыми формально-эпистолярными признаками (сигналами «эпистолярности») за исключением теокомпонента в начальном и заключительном протоколе (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Соотношение компонентов структуры королевского и Ч-д письма

Структурные компоненты письма (сигналы «эпистолярности»)	Королевское письмо	Частно-деловое письмо
Теоформула начального протокола	–	+
Обращение к адресату	+	+
Заявленность адресанта	+	+
Тема письма	+	+
Датировка	+	+
Заявленность составителя (писца)	+	+
Заверение (печать, подписи свидетелей)	+	+
Теоформула конечного протокола	+	–

Сравним орфографическое написание некоторых слов (Таблица 2):

Таблица 2

Королевское письмо	Ч-д письмо	Перевод
conoscida	conocida	известный
cuemo yo	Que yo	как я
muggier	mulier	жена
donna	dona	госпожа
la Reyna	la rina	королева
ffija / fijos	filo	дочь / сын
a uos / auos	Auos	Вам
heredat	heredade	наследство
libre	liure	свободный
carta	karta / carta	письмо
morauedis	Morabedis	мараведи (денежная единица)
doblado	duble	двойной
Toledo	toletto	г. Толедо
ffecha	facta	сделано (зд.: написано [письмо])

В вопросе орфографии, с одной стороны, трудно спорить с П. Санчес-Прието Борхой, который отрицал наличие нормы в графической системе кастильского романсе альфонсийского периода. С другой стороны, «неправильное», относительно королевского, написание слов (заметим, сравнительно небольшого количества!) в частно-деловом письме, скорее, демонстрирует остатки латинского наследия, чем нарушает романские нормы. Кроме того, орфографический строй любого языка всегда представляет собой самый подвижный пласт системы, который более других подвержен различным изменениям.

Лексическое оформление писем, в отличие от орфографического, говорит о следовании некоей единой (пока ещё не писаной) традиции и некоему чувству языка (\approx зарождающаяся языковая норма), в результате чего два разных писца, живущих в относительной удалённости друг от друга, создают два вполне однородных (однотипных) речевых произведения. Использование и в одном, и в другом документах типичных для деловых писем **стандартных / клишированных фраз** (*Conocida cosa sea* («Да будет известно»), *mando et definiendo firme mientre* («повелеваю и строго настаиваю»), **формальной лексики** (*do et otorgo* («дарую»), *liure et quita* («свободна»), *por mio mandato* («по моему приказу»), *sea mas firme et mas estable* («чтобы был более прочным»)), **юридических терминов** (*karta deuendimiento* («письмо продажи»), *heredamiento* («наследство»), *de nuestro poder quita* («свободно от нашей власти»), *donadio* («пожертвование»)), **канцеляризмов** (*por este escripto* («настоящим [письмом]»), *pro precio nominato* («по указанной цене»), *sobredicho* («вышесказанное»), *cum proprias manos nuestras la roboramos et la confirmamos* («заверяем собственноручно»)) также свидетельствует в пользу становления нормативности как минимум делового языка, который, бесспорно, основывается на норме языка литературного, т.е. обработанного, правильного.

С синтаксической точки зрения вообще можно отметить единственное расхождение, но даже не в структуре целого предложения, а только в структуре одной номинативной группы: *mes de Nouiembre* («месяц ноябрь») (в королевском письме), где подчинительная связь осуществляется с помощью предлога **de** [Núcleo «ядро» + Complemento del núcleo^{Construcción preposicional} «дополнение ядра^{предложная конструкция}»], и *Mense dezembrio* («месяц декабрь») (в частно-деловом), которая представляет собой беспредложную группу [Núcleo + Complemento del núcleo^{Sustantivo}]. Решая с точки зрения нормы современного испанского языка, что в данном случае «более правильно», предпочтение, конечно, будет отдано первому сочетанию. Однако если бы анализ этих примеров проводил А. де Небриха (1492), то «неправильным» был бы именно королевский вариант с предлогом *de*: «*no quiero dissimular el error que se comete en nuestra lengua, et de allí passó a la latina, diciendo: mes de enero; día del martes; ...ciudad de Sevilla..., por que el mes no es de enero, sino él mesmo es enero; ni el día es de martes, sino él es martes*» [10, p. 37]. / «я не хочу скрывать ошибку, которая совершается в нашем языке, откуда она перешла в латинский: (букв.) месяц января, день вторника, ...город Севильи ..., потому что месяц не января, а он сам по себе январь; и день не вторника, а он сам вторник».

Таким образом, несмотря на объективно существующие различия, в двух указанных письмах (как, впрочем, и в остальных образцах исследуемого корпуса, например, из Леона и других областей), несомненно, обнаруживается общая **НАДнациональная (термин автора – С. Б.) языковая основа**, которая помогает без труда прочитать и понять содержание даже неносителям языка, а значит, язык документов представляет собой тот нормированный вариант (**estándar**), являющийся «*la lengua de intercambio de una comunidad lingüística*» («языком общения одного языкового сообщества») (определение *RAE* – Испанской Королевской Академии). Отмеченные расхождения в языковом оформлении королевских и частно-деловых документов (в той же орфографии, отчасти в синтаксисе) можно также объяснить не отсутствием нормы, а тем, что «*no puede hombre escribir siempre de una manera*» («не может человек всегда писать одинаково») (как гласит Закон 118 свода «*Las Siete Partidas*»). В Законе имеется в виду один и тот же человек в разных состояниях (*mancebo/Viejo* («молодой/старый»), *sano/enfermo* («здоровый/больной»)). Стоит ли доказывать, что разные люди тем более пишут не одинаково.

Исходя из сказанного, понятие «**альфонсийская норма**» можно определить как **условное** название совокупности существовавших языковых реализаций кастильского романсе (т.е. «традиционные реализации для каждого частного случая» – см. определение нормы у Э. Косериу [4, с. 98]), образцовым воплощением которых стали собственно королевские эпистолии, составленные, если и не самим королём, то, по крайней мере, лучшими и наиболее образованными представителями королевской канцелярии. Именно эти документы авторитетных авторов являлись (и имели на это право) руководством к действию для общественных нотариусов, которые составляли документы уже для гражданских лиц. Альфонс X запустил маховик нормализации национального языка, которая является необходимым (хотя и не достаточным) условием стандартизации. Тем не менее, «*Imaginemos cuán distinta sería la lengua española o castellana si no hubieran existido Alfonso el Sabio, Antonio de Nebrija y la Real Academia*» [15, p. 20] («мы даже представить себе не можем, насколько другим был бы испанский язык, если бы не существовало Альфонса Мудрого, Антонио де Небрихи и Королевской Академии»).

Проведённый анализ языкового материала (деловых писем) позволяет утверждать, что в середине XIII века сформировались определённые предпосылки для процесса нормализации кастильского романсе как доминантного языкового образования Иберийского полуострова. Однако формирование языковых норм в период Средневековья происходит неравномерно на разных уровнях: орфографическом, лексическом и грамматическом (морфологическом и синтаксическом).

Список литературы

1. **Безус С. Н.** Деловое письмо в средневековой Испании: историческая прагмалингвистика текста: монография. М.: АВАНГЛИОН-ПРИНТ, 2013. 279 с.
2. **Безус С. Н.** Королевское эпистолярное наследие Испании: Фернандо III // Латинская Америка. 2012. № 6. С. 51-63.
3. **Иванова А. Н.** «Языковая политика» Альфонсо X Мудрого: «castellano drecho» // Древняя и Новая Романия. 2013. № 12. С. 96-107.
4. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. М.: Едиториал УРСС, 2010. 208 с.
5. **Abad F.** Conciencia lingüística y estilo de Alfonso X // La Lengua y la Literatura en tiempos de Alfonso X. Actas del Congreso Internacional. Murcia, 5-10 de marzo de 1984. P. 9-24.
6. **Abad F.** «Lengua Española» para la historia de un concepto y un objeto. Murcia: Universidad de Murcia, Servicio de Publicaciones, 2003. 395 p.
7. **Cano Aguilar R.** La construcción del idioma en Alfonso X el Sabio [Электронный ресурс]. URL: http://institucional.us.es/revistas/philologia/4_2/art_1.pdf (дата обращения: 21.09.2016).
8. **Corpus de documentos españoles anteriores a 1800** [CODEA+]. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpuscodea.es> (дата обращения: 21.09.2016).
9. **Fernández-Ordóñez I.** La lengua de los documentos del rey: del latín a las lenguas vernáculas en las cancellerías regias de la península Ibérica [Электронный ресурс]. URL: http://www.uam.es/personal_pdi/filoyletras/ifo/publicaciones/23_cl.pdf (дата обращения: 21.09.2016).
10. **Gramática de la lengua Castellana de Antonio de Nébrija [1492]** [Электронный ресурс]. URL: http://www.filos.unam.mx/LICENCIATURA/Pagina_FyF_2004/introduccion/Gramatica_Nebrija.pdf (дата обращения: 21.09.2016).
11. **Las Siete Partidas de Alfonso X el Sabio** [Электронный ресурс]. URL: <http://ficus.pntic.mec.es/jals0026/documentos/textos/7partidas.pdf> (дата обращения: 21.09.2016).
12. **Martín Aizpuru L.** Hacia la definición del concepto norma alfonsí [Электронный ресурс] // Perspectives contemporaines sur le monde médiéval. Rumania: Editura TIPARG, 2012. P. 1-8. URL: http://www.academia.edu/1979261/Hacia_la_definición_del_concepto_norma_alfonsí (дата обращения: 21.09.2016).
13. **Sánchez-Prieto Borja P.** El romance en los documentos de la catedral de Toledo (1171-1252): la escritura [Электронный ресурс] // Revista de filología española (RFE). 2007. LXXXVII. P. 173-220. URL: <http://dspace.uah.es/dspace/bitstream/handle/10017/7226/Romance%20documentos.pdf?sequence=1> (дата обращения: 21.09.2016).
14. **Sánchez-Prieto Borja P.** La normalización del castellano escrito en el siglo XIII. Los caracteres de la lengua: grafías y fonemas [Электронный ресурс] // Historia de la lengua española. 2004. P. 423-448. URL: <http://dspace.uah.es/dspace/bitstream/handle/10017/7272/Normalización%20Castellano.pdf?sequence=1> (дата обращения: 21.09.2016).
15. **Tovar A.** Bilingüismo en España // Revista de Occidente, cuarta época. 10-11. 1982. P. 13-22.

Приложение

Свод законов Альфонсо X «Las Siete Partida» (Семь частей)

Primera Partida	Первая часть
<p>Ley 2: Letrados y honestos y conocedores del uso de la iglesia deben ser los clérigos a quienes dieren las dignidades y los personajes y las iglesias parroquiales que tienen cura de almas; eso mismo deben tener en sí aquellos a quienes diesen los menores beneficios, así como canónjias o raciones, o a lo menos, que sean letrados <i>que entiendan latín</i>, y que sean conocedores del uso de la iglesia, que es cantar y leer, pues los primeros que tienen cura de almas deben ser más sabios [11, p. 23].</p>	<p>Закон 2: Просвещёнными и благопристойными людьми, обладающими большими знаниями в делах церкви, должны быть священнослужители высокого звания и церковных приходов, с духовными наставниками; а также каноники, которые должны быть образованными, знать латынь, разбираться в церковных делах, молиться и толковать молитвы; духовные наставники должны быть более мудрыми.</p>

<p style="text-align: center;">Partida Tercera</p> <p>Ley 25: Mensajeros del rey u otros hombres van algunas veces a otras partes fuera de sus reinos, y han de menester cartas de como vayan guiados, y <u><i>estas deben ser hechas en latín</i></u>, porque las entiendan los hombres de las otras tierras en esta manera; a los reyes y a los condes y a los otros grandes hombres de fuera de los reinos que la carta vieren, como les hace saber que él envía a tal hombre en su mandato, y que les ruega que cuando pasare por sus tierras o sus lugares, que ellos que le den seguro guiamiento a ida y a venida, a él y a sus hombres con todas sus cosas; y cuanto quisiera que de bien y de honra que le hagan, se lo agradecerá mucho [11, p. 78].</p>	<p style="text-align: center;">Часть третья</p> <p>Закон 25: Королевские посланники или другие лица, выезжающие за пределы королевства, должны иметь со-<u>ставительные грамоты, которые должны быть составлены на латыни</u>, чтобы их могли понять жители других земель; короли и графы, а также другие высокопоставленные персоны, которые из письма узнают, что он (король) направляет данное лицо (имярек) с поручением и просит оказать надёжный проезд туда и обратно через их землевладения (этому) посланнику и сопровождающим его лицам и всему их имуществу, и будет благодарен за доброе к нему отношение.</p>
--	--

<p style="text-align: center;">Partida Tercera</p> <p>Ley 78: Compañía hacen los hombres unos con otros para ganar algo de común acuerdo; y la carta de la compañía <u><i>debe ser hecha de esta manera</i></u>:</p> <p>“Sepan cuantos esta carta vieren como Pedro de la Rochela y don Beltrán, mercaderes de Sevilla, hicieron entre sí compañía por diez años para comprar estableciendo un común acuerdo, y venderlos a retal en la rúa de los Francos de Sevilla, y para hacer todas aquellas cosas que perteneciesen a esta mercadería; en la cual compañía metió cada una de ellos mil maravedís alfonsíes, con los cuales prometieron entre sí el uno al otro hacer ganancia o daño o pérdida que hubiesen por razón de esta mercadería.</p> <p>Y todas estas cosas sobredichas y cada una de ellas prometieron un mercado al otro hacer guardar así como dichas son, y no hacer ni venir contra ninguna de ellas so pena de mil maravedís, la cual pena, bien que sea pagada o no, siempre sea firme la postura de esta compañía, obligándose el uno al otro a sí mismo y a sus herederos, y renunciando eximiéndose de toda ley de todo fuero, etc.” [11, p. 78].</p>	<p style="text-align: center;">Третья часть</p> <p>Закон 78: Если некоторые лица образуют совместную компанию для получения прибыли, то соглашение / скрепляющий документ должно быть составлено в следующем виде:</p> <p>«Да будет известно всем, кто это письмо увидит, что Педро де ла Рочела и дон Бельтран, торговцы из Севильи, учредили совместную закупочную компанию на 10 лет, чтобы выкупить торговое заведение и продать им остающуюся часть на улице Франкос де Севилья, чтобы совершать все необходимые торговые действия (мероприятия); в настоящую компанию каждый из них вложил тысячу альфонсийских мараведи, которыми они закрепили взаимное обещание получать прибыль или компенсировать потери, которые возможны в торговле. И всё вышеуказанное каждая из сторон обязуется соблюдать под страхом наказания в 1000 мараведи, такова твёрдая позиция данной компании, вне зависимости от того, будет или нет выплачен такой штраф, каждый из учредителей и наследников берут такое обязательство, не уклоняясь от исполнения всего кодекса законов».</p>
---	--

<p style="text-align: center;">Partida Tercera</p> <p>Ley 118: Desechar queriendo alguna de las partes carta pública que mostrasen en juicio contra él, diciendo que no debe ser creída porque no es escrita de la mano de aquel que dice que la hizo y cuyo nombre está escrito en ella, y que esto quiere probar en tal manera mostrando otra carta pública hecha por mano de aquel escribano mismo, que no semejase con ella en la letra ni en la forma, decimos que, en tal caso como este o en otro semejante de él, que si el escribano cuyo nombre está escrito en la carta vive, que el juez lo debe hacer venir ante así, y mostrarle aquellas cartas, y preguntarle si las hizo él; y si otorgase que él las hizo, aunque sean desemejantes las cartas en las letra o en las forma, deben ser creídas, porque no puede hombre escribir siempre de una manera; y a veces hacen desmejar las letras las variaciones de los tiempos en que son hechas o el mudamiento de la tinta por enfermedad o por vejez del escribano; y de una manera escribe hombre cuando es mancebo y sano, y de otra cuando es viejo o enfermo. Mas si el escribano dijere que la primera carta que mostraban en juicio que no la hizo él, entonces no debe ser creída. Y si por ventura el escribano fuere vivo o estuviese en otra tierra tan lejos que no le pudiesen haber para hacerle este pregunta, entonces debe el juez tomar ambas cartas y tener hombres sabedores y entendidos consigo, que sepan bien conocer y entender las formas y las figuras de las letras y las variaciones de ellas, y débeles hacer jurar que esto miren y escudriñen bien y lealmente, y que no dejen de decir verdad de los que entendieren ni por ruego ni por miedo ni por amor ni por desamor ni por otra razón ninguna. Y entonces el juez débese juntar con aquellos hombres buenos y sabedores, y mirar y escudriñar la letra y la figura de ella y la forma y el signo del escribano; y si se acordaren todos en uno que la letra es tan desmejante o tan desvariada que puedan con razón sospechar contra ella, entonces es albedrío del juez desecharla u otorgar que valga si se quisiere [11, p. 78-79].</p>	<p style="text-align: center;">Третья Часть</p> <p>Закон 118: Если кто-то захочет опровергнуть одну из частей общественного письма, которая противоречит его мнению, пусть приведёт этому основание, заявив, что [письму] не следует верить, поскольку оно не написано рукой того, кто его составил, и чьё имя в нём указано, и что это он хочет доказать, предъявив другое общественное письмо, написанное рукой того же писца иным почерком и формой, мы можем сказать, что в этом или другом подобном случае, если имя его указано в письме, и он жив, судья должен вызвать его к себе, предъявить ему эти письма, спросить, он ли написал их, и, в случае, если ответ будет положительным, даже если письма будут отличаться почерком и формой, они будут признаны, потому что люди не могут писать постоянно одинаково, и иногда почерк меняется в зависимости от времени суток, когда их пишут, чернил, возраста пишущего: молод он, здоров, стар или болен.</p> <p>Но если написавший заявит, что не является автором письма, предъявленного ему, это письмо не будет признано.</p> <p>В случае если составитель письма жив, но находится в другой стране, и окажется невозможным задать ему этот вопрос, судья обязан взять оба письма, найти специалистов разбирающихся в почерках, формах и их вариациях, предъявить эти письма и обязать исследовать их тщательно, лояльно и подтвердить, что делают они это ни по просьбе, ни из чувства страха, симпатии, антипатии или других соображений.</p> <p>Только тогда судья вместе со специалистами изучит и исследует почерк составителя, его структуру и особенности, и, если мнение всех совпадёт в том, что почерк отличается или изменён настолько, что вызывает сомнение у всех, судья правомочен опровергнуть его (почерк) или подтвердить его подлинность.</p>
---	---

FROM LATIN TO THE ROMANCE: *NORMA ALFONSI* (ALPHONSE'S NORM) OF NATIONAL LANGUAGE IN MEDIEVAL SPAIN

Bezus Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
North-Caucasus Federal University (Branch) in Pyatigorsk
luzazul@list.ru

The paper examines some of the trends that took place in the language of medieval Spain, in particular – the transition from Latin to the Castilian romance in the royal correspondence. The language phenomena are considered by the example of business letters in the historical context of the reign of two kings of medieval Spain: Fernando III and Alphonse X. The author gives the review of some issues of language norm and standards, explains the notion of **norma alfonsí** (alphonse's norm).

Key words and phrases: Medieval Spain; Latin; Romance; Castilian language; National language; business letter; language norm.

УДК 811.11

В статье рассматриваются особенности единиц терминообразовательной системы, в которых отражается эволюция научного познания. Теоретической основой работы являются ключевые положения современной дериватологии, терминоведения и когнитивной лингвистики. При исследовании терминологических гнезд была предпринята попытка проследить не только эволюцию деривационной структуры узкоспециальных терминов, которые их составляют, но и развитие научной мысли, научного познания.

Ключевые слова и фразы: терминообразовательная система; дериватология; терминодеривация; термин; терминодериват; терминологическое гнездо; когнитивная лингвистика; научное познание.

Борисова Татьяна Григорьевна, д. филол. н., доцент
Ставропольский государственный педагогический институт
ddis@bk.ru

ЕДИНИЦЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В настоящее время ученые, занимающиеся исследованием проблем теории термина, решают непростую задачу суммирования и описания собранных знаний, а также разработки новых учений о термине и процессах терминодеривации, которые, в свою очередь, обеспечивают номинацию научных понятий. Это предопределено тем, что в современной русистике терминообразовательный уровень языка является всеобъемлющей системой, которая постоянно развивается, обеспечивая номинацию научных понятий с помощью деривации выражающих их терминов.

Общепризнанно, что для формирования языковой картины мира процессы деривации являются одними из самых значительных. Изучая проблемы современного русского словообразования, Е. С. Кубрякова высказала следующее мнение: «Нет ничего более естественного, чем анализ деривационных явлений с когнитивных позиций: очевидно, что именно соотнесение этих явлений с процессом познания и закрепления его результатов позволяет наблюдать, с одной стороны, в каких формах протекали познавательные процессы в языке, а с другой – как менялся язык под воздействием этих процессов и как происходило его постоянное обогащение и развитие по мере их осуществления» [4, с. 91]. Таким образом, продуцирование производных лексем, в первую очередь, влечет за собой закрепление человеческого опыта, что приводит к объективации развития научного познания языковыми средствами.

Общественная жизнь, наука и культура какого-либо народа постоянно находятся в движении, эволюционируют, а это, в свою очередь, определяет одно из важнейших свойств термина – динамизм. Этапы и итоги такого развития актуализируют термин, который кодирует особую информацию, отражая важные научные и культурные достижения в области устоявшихся, традиционных и новых, инновационных производств, сфер деятельности: в биологии, геологии, медицине, минералогии, химии и т.д. Именно по этой причине «терминология не является устойчивым или неизменным слоем лексики языка. Прогресс в самых различных областях человеческой деятельности неизбежно ведет к непрерывному изменению и развитию систем терминов» [7, с. 49]. Постоянная эволюция и динамика науки способствуют объективации научных знаний в терминах.

Продуцирование терминов всегда основывается на деривационной системе национального языка. Язык науки базируется на основе моделей и способов словообразования, которые существуют в литературном языке и формируют особую деривационную подсистему, подчиняя ее своим требованиям и функциям. В работах прошлых лет мы отмечали: «Под терминодеривацией как глобальным процессом языкового развития мы понимаем создание терминов той или иной когнитивной области, рассматриваемое как процесс вторичной номинации в системе терминологии, осуществляемый на основе совокупности механизмов и способов структурирования, производства, возникновения терминологических знаков» [1, с. 76].

В языке науки терминообразовательная система представляет собой сложный феномен, имеет многоступенчатую иерархическую структуру, формируясь такими специфическими единицами, как терминодериват, терминообразовательная пара, терминообразовательный тип, терминообразовательное гнездо, терминообразовательная парадигма.